
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОЗДАНИЯ ИСТОРИИ ИСКУССТВА КАЗАХСТАНА ДРЕВНЕЙШЕГО ПЕРИОДА И ЭПОХИ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ

Исследование основ периодизации культурного наследия необходимо, поскольку изучение и описание эволюционной линии движения искусства позволяет понять реальные функции теоретических моделей и классификаций общего искусствознания. В контексте обретения Казахстаном независимости возникла необходимость более глубокого освоения казахского искусства на уровне тех современных научно-методологических требований, которые способствовали бы не только восстановлению исторической памяти, но и дальнейшему продвижению Казахстана в русле ценностей общечеловеческой цивилизации.

Важнейшим смыслообразующим культурным феноменом, на наш взгляд, является мифология, художественным воплощением и отражением которой и является искусство в его исторической ретроспективе. Перед нами возникла необходимость обращения к словарю исторической антропологии, в частности к представителям школы «Анналов» (Марк Блок, Люсьен Февр, Фернан Бродель и др.), где речь идёт по существу о целостной картине прошлого – так называемой «тотальной» истории. По их убеждению, история общества и образующих его групп не может изучаться в отрыве от истории картин мира, систем ценностей, форм социального поведения, символов и ритуалов [1].

Радикальные сдвиги в культуре проявляются лишь тогда, когда прежняя картина мира разрушается под напором иных, гетерогенных способов мировосприятия. Мы убеждены в том, что социо-культурные разрывы между эпохами возникают в результате продолжительного разложения, дегенерации прежних ментальных и эстетических установок той или иной человеческой общности.

В классическом рационализме строилась определённая историческая концепция. История культур рассматривалась фактически по формуле са-

мосознания. Развитие исторического процесса мыслилось как реализация потенции первобытного дикаря к осознанию себя как разумного существа. История, являясь формой самосознания во времени, виделась, следовательно, как однонаправленный, однолинейный, прогрессивный процесс, поэтому мы до сих пор употребляем по отношению к древним сообществам такие термины как, «первобытное» и «примитивное».

В XIX-XX вв. возникли такие научные направления в гуманитарной сфере как философия жизни, феноменология, экзистенциализм, школа «Анналов», психоанализ, герменевтика, структурализм и, наконец, постструктурализм, которые, подвергая критике положения прежней рационалистической традиции, выстраивали свою собственную методологию относительно видения исторического процесса и эпохальных сдвигов, имевших место в человеческой истории. XX век стал временем, когда многие философы, социологи и историки, обращаясь к опыту прошлого и исследуя тенденции настоящего, пытались создать свои периодизации истории.

Начиная с Ницше в XIX века и далее О. Шпенглером, К. Ясперсом, Х. Ортега-и-Гассетом признавалось, что нет единой линейной всемирной истории человечества, что каждая эпоха или культура есть нечто замкнутое в себе, самостоятельное образование, осуществляющая собственную идею, имеющая в своей основе неповторимую жизнь души, особый тип человека. Каждая культура не является бесконечной во времени, а переживает собственную юность, расцвет и увядание. Эпоха и культура живы, пока жив их дух.

Мы полагаем, что эпоха так называемого средневековья в центральноазиатском регионе завершилась именно тогда, когда были созданы все культурно-исторические предпосылки для того, чтобы на смену старому кочевому быту пришёл новый способ существования людей в казахской Степи под знаком европейской «рациональности», вызванной к жизни промышленной революцией. Таким образом, нельзя не согласиться с мнением Жака Ле Гоффа, видного представителя школы «Анналов», что «при перемещении пункта наблюдений историка Средневековье оказывается значительно более длительной эпохой, нежели это казалось при традиционном изучении» [2, с. 11]. Именно в эпоху средневековья начинает оформляться этногенез казахов, который состоит, по мнению А. Кодара, из следующих культурно-цивилизационных поворотов:

«1) когда тюрки остались хранителями и продолжателями арийской примордиальной традиции, претерпевшей в Иране реформы Заратустры; 2) тюрко-мусульманского, когда, быстро сориентировавшиеся в конъюнктуре степные правители, успешно разыграли исламскую карту и 3) монголо-кипчакского, приведшего к завоеванию Руси и вторжению в Европу» [3, с. 87].

В итоге мы рассмотрели историю искусства Казахстана через призму следующей периодизации: 1) Архаический период; 2) Средневековый период (Искусство кочевников Великой степи VII-XVIII вв.); 3) Период новой и новейшей истории искусства XIX-XXI вв.

В данной работе мы остановимся только на периодизации искусства Казахстана древнейшего периода и эпохи ранних кочевников.

Искусство Казахстана древнейшего периода. По многим практическим познаниям древние люди превосходили современного человека, однако о многом они не имели никого понятия. Наблюдения за природными явлениями, размышления о жизни людей привели к зарождению представления существовании невидимых сил – *духах* и *богах*, которые влияют природу и жизнь человека. Так зародилась религия. Первобытная религия отличалась от религии последующего времени. Для первобытных людей боги и духи не были потусторонними силами, управляющими миром, они не воспринимались как нечто отличное от человека. Многие религиозные обряды были связаны с охотой, также большое внимание уделялось обряду захоронения. С религией связано первобытное искусство, проблема происхождения которого до сих пор является предметом научной дискуссии. Предполагают, что искусство как и религия, стало одним из способов осмысления окружающего мира. Душа культуры – особая идея, которая стремится выразиться в культурной деятельности народа.

Принятая на сегодня периодизация культуры древних сообществ, обитавших на территории Казахстана, выглядит следующим образом:

Каменный век. Он состоит из эпох палеолита, мезолита, неолита и энеолита. Эпоха палеолита включает в себя следующие три региональные культуры: *олдувайская* (2,6 млн. лет – 700 тыс. лет назад); *ашельская* (700 тыс. – 150-120 тыс. лет назад); *мустьерская* (150-120 тыс. – 35-30 тыс. лет назад).

Чтобы понять истоки художественного творения в древнейший период обратимся к трудам видных философов XX века М. Хайдег-

гера и Ж. Деррида. Хайдеггеровское вопрошание о бытии как об истоке художественного творения в нашем случае мы считаем необходимым перевести в контекст вопроса о происхождении письма. В то время как Жак Деррида, взяв на вооружение хайдеггеровскую стратегию «феноменологической деструкции», выдвинул теорию «деконструкции» [4], где речь идёт об изначальной семантической среде, которая возникает в связи с так называемым «архи-письмом», или прото-письмом, выражаемым в виде следов, которые содержит в себе тот или иной текст культуры. Мы рассматриваем орнаментику, возникшую в недрах палеолита, в качестве некой разновидности прото-письма, отсылающего к некоему “архэ” – подлинному “началу”, “истоку”, который управляет всем творческим и художественным потенциалом человеческого мышления. Уже в эпоху верхнего палеолита изобразительное творчество людей имеет исключительно большое значение для бытийно-исторического значения искусства на первых этапах его развития. Вещественные памятники эпохи палеолита свидетельствуют не только о прогрессивном развитии материальной культуры человека, но и о развитии его художественного мышления, об изменениях его отношения к окружающему миру, о планомерном и многомерном усложнении системы его эстетических способностей и представлений. На наш взгляд, архаическая орнаментика и представляет собой живописную картину, в символической форме воспроизводящую мировоззрение древнего человека.

Следующую эпоху – эпоху мезолита (X-VII тыс. до н.э.), неолита (V-III тыс. до н.э.) и энеолита (III - нач. II тыс. до н.э.) можно охарактеризовать как время становления и развития культур охотников и рыболовов, ведущих кочевой или осёдлый образ жизни. Артефакты этого времени свидетельствуют о том, что охотники и те, кто был занят собирательным хозяйством существовали в тесном взаимодействии с культурами сопредельных территорий – Сибири, Средней Азии и Китая [5].

Высшая стадия каменного века – неолит, характеризуется революционным улучшением техники изготовления каменных орудий. На территории Казахстана изучены следующие неолитические культуры: кельтеминарская (Западный Казахстан); в Юго-Западном Казахстане (Саксаульская, Акеспе, Шатпаколь, Кульсары, Койкара, Сарыкамыс, Шаянды и др.; атбасарская (бассейн р. Ишим; маханджарская (Торгайская

ложбин; ботайская культура (Северный Казахстан) [6, с. 32]. С ботайской культурой связано приручение человеком коня.

В отношении эпохи неолита следует обратить внимание на тот факт, что именно этот период принято называть «неолитической революцией», начавшейся примерно 20 - 40 тысяч лет тому назад. Следует отметить, что учёных нет единого мнения в отношении хронологии такого исторического феномена каким является «неолитическая революция», поскольку в различных регионах она наступила в разное время. Что касается центральноазиатского региона, то её можно датировать X-V вв. до н.э. В этот период происходит интенсивный переход от *присваивающего* хозяйства к хозяйству *производящему*. Говоря об историческом значении неолитической эпохи, Ж. Деррида отмечает, что она породила те «глубинные структуры, на которых мы строим свою жизнь и поныне...» [4, с. 276].

Именно в неолитическую эру начинает складываться такой феномен социокультурной жизни как патриархат, пришедший на смену матриархата, который господствовал в более ранние эпохи. Как отмечают историки древних цивилизаций феномен патриархата отсутствует в архаической культуре. Искать его следует в культуре постархаической. Разложение архаики, архаического типа социальности и переход к постархаике, к антагонистическому типу социальности – процесс сложный, многоступенчатый и многоплановый. Это также означает, что здесь зарождаются, существуют и набирают силу одновременно несколько бытийно-исторических тенденций, каждая из которых участвует в преодолении архаики. *Первая* – тенденция расчленения общественного целого на сферы публичной и приватной жизни. *Вторая* – тенденция расслоения общества как целого на сферу официального и сферу внеофициального. *Третья* – тенденция урбанизации, т.е. расслоения человеческой действительности на Город и Деревню.

На этом культурно-историческом фоне интенсивно происходит миграция различных племён. Так на территорию Центральной Азии проникают индоевропейские, протоуральские и алтайские племена, в результате чего формировались древние этнические системы.

Итак, период палеолита и неолита – это время охотников и собирателей; в эпоху неолита и энеолита происходит переход к производящему хозяйству – земледелию и скотоводству. Уже в период неолита возникают

примитивные, но очень важные архитектурные идеи, композиционные и конструктивные принципы: центричность; трехчастность (отражение представлений об устройстве мира: основание, стены и перекрытие жилища); масштабность [7, с. 9]. Именно в период палеолита возникла орнаментика в качестве некой разновидности прото-письма, в то же время керамика с геометрическим орнаментом стала одним из основных признаков неолитической эпохи.

Достижения первобытной архитектуры и прикладного искусства получают свое развитие в эпоху бронзы и железа. Жилища преобразуются в более капитальные постройки, что было обусловлено открытием и широким использованием металла.

Эпоха бронзы. Во II тысячелетии на территории Казахстана в результате неолитической революции начинает складываться скотоводческо-земледельческая экономика и высокоразвитая металлургия. Определяющим дальнейший прогресс древних сообществ стало производственное освоение бронзы. Бронза становится основным сырьём для изготовления орудий труда и оружия. В развитии культуры бронзы выделяют три периода: 1) XVII-XVI вв. до н.э. – ранняя бронза; 2) XV-XIII вв. до н.э. – развитая бронза; 3) XII-IX вв. до н.э. – поздняя бронза.

Обобщённая периодизация памятников андроновской культурно-исторической общности разработана андроноведом Е.Е. Кузьминой [8]. Она выделила так называемые чистые типы памятников: а) *петровский* (XVII-XVI вв. до н.э.); б) *алакульский* (XV-XIII вв. до н.э.); в) *фёдоровский* (XV-XII вв. до н.э.); г) *дандыбаевский* (XI-IX вв. до н.э.). Петровская культура, в свою очередь, сложилась на основе более ранних культур, известных по памятникам Синташты и Аркаима. Имеются также культуры смешанного типа. В рамках андроновской культурной общности выделяется ряд локальных вариантов – центрально-казахстанский, восточно-казахстанский, семиреченский, тазабагыбский, кайракумский и др.

В эпоху бронзы обширные степные пространства Казахстана, Сибири, Приуралья и Средней Азии были населены родственными по происхождению и общности исторических судеб племенами, которые образовали яркую самобытную «андоновскую» культуру. В науке отмечается тот немаловажный факт, что в Сибирь и впоследствии в Среднюю Азию андроновцы поэтапно расселились именно из Казахстана [9]. Определяющим развитие андроновской культурно-исторической

общности в новую эпоху стало производственное освоение бронзы. Один из основных центров андроновской культурно-исторической общности находился на территории Казахстана. Археологические данные свидетельствуют о том, что андроновское население в подавляющем большинстве вело осёдлый образ жизни [10].

Значительное место в памятниках эпохи бронзы, найденных на территории Казахстана, принадлежит андроновской керамике. Создаваемые древними мастерами геометрические ряды на керамической посуде способствовали формированию различных моделей окружающего мира, которые приводили их современников к убеждению в том, что между керамикой с её орнаментикой и миром существует некая магическая связь.

Нельзя не упомянуть о наскальном искусстве эпохи бронзы, которое наиболее ярко представлено в таких древних святилищах как Тамгалы, Кульжабасы, Каракыр и др. Значительный пласт древнейших рисунков святилищ составляют изображения животных: быков, лошадей, козлов, хищников. Тотемизм послужил одним из главных источников возникновения зоолатрии – культа животных. Вероятно, именно на основе тотемизма и других не менее важных общих культурно-определяющих признаков в центральноазиатской степи произошла консолидация генетически родственных племён, которые говорили на различных диалектах и которые принадлежали андроновской культурной общности. Следует отметить, что особо динамичный характер всем этим процессам придала начавшаяся в XIII в. до н.э. миграция различных племён, которая охватила весь степной пояс от Дуная до Алтая, немаловажную роль сыграла двухколесная колесница, были раскопанные захоронения колесничих и изображения колесниц в петроглифах – яркое тому свидетельство [11].

Керамика бегазы-дандыбаевской культуры (VIII-VII вв. до н.э.) явилась своеобразным и самобытным феноменом культуры эпохи поздней бронзы и раннего железа. Керамику поселений и могильников бегазы-дандыбаевского времени объединяет общность форм и орнамента. Представленный А.Х. Маргуланом анализ бегазы-дандыбаевской культуры и описанный им богатейший археологический материал показывает, что эта культура развивалась совершенно самостоятельно, независимо от культуры Южной Сибири [12, с. 333].

Эпоха ранней и средней бронзы на территории Казахстана в историческом контексте – это период оседлости и занятия земледелием и

пастушеским скотоводством, развитием яйлажного производства, в то время как эпоха поздней бронзы демонстрирует появление кочевого скотоводства и переход к кочевничеству. Вместе с тем это важнейшее время в становлении архитектуры и воплощения сакральных символов и древнейших архетипов в планировке и объемно-пространственной структуре мегалитической архитектуры, сырцового мемориального строительства, поселений из полуземлянок и первых городов [7, с. 18]. Художественная выразительность искусства керамики бронзового века была обусловлена более глубоким пониманием пластических качеств глины как исходного материала, конструктивных особенностей форм сосудов и постижения принципов декоративности предметов. Синтез этих качеств демонстрирует гармоническое единство формы и художественного содержания эпохи бронзы на всём евразийском пространстве.

Железный век (II-I тыс. до н.э. - V в. н.э.). Периодизация культур раннего железного века для Восточной Европы была разработана на основе скифских памятников Северного Причерноморья. В дальнейшем археологические культуры восточных кочевников соотносились уже со скифскими памятниками.

В азиатской части степного пояса сформировалась культурная общность, включающая в себя ряд локальных культур: тасмолинская Центрального Казахстана; саков и кангюев Южного Казахстана; саков и усуней Жетысу (Семиречье); сарматов и савроматов Южного Приуралья и Западного Казахстана [13]. Раннекочевнические общества Евразии и Казахстана прошли в своем развитии несколько периодов: 1) VII-VI вв. до н.э. (ранний этап или протосакский период); 2) V-III вв. до н.э. (тасмолинская культура V-III вв. до н.э.; Западный Казахстан – V-IV вв. до н.э.; Восточный Казахстан – V-IV вв. до н.э.; позднесакское время Жетысу – V-III вв. до н.э.); 3) с III-II вв. до н.э. до III-IV вв. н.э. – государственные объединения усуней в Жетысу, кангюев в Южном Казахстане, сарматов в Западном Казахстане [14].

Кочевническая культура сыграла в мировой культуре важную роль. Все древние цивилизации, граничащие со степью, испытывали влияние кочевого мира. Эпоха «ранних кочевников» ознаменована становлением кочевых форм скотоводческого хозяйства, когда повсеместно распространяется колёсно-упряжный транспорт, развивается коневодство, в результате чего лошадь начинает активно использоваться для верховой езды.

В VIII-VII вв. до н.э. в степях Азии на андроновской основе постепенно формируется культура саков. Саки Казахстана являются потомками европеоидного андроновского антропологического типа [15].

В развитии сакского искусства Восточного Казахстана исследователями выделено три главных этапа: майемерский – VII-VI вв. до н.э.; берельский – V-IV вв. до н.э.; кулажургинский – III-I вв. до н.э. Образы сакских произведений символичны, они согласуются с функциональным назначением и смыслом вещи (ритуальной или утилитарной).

В ритуалах древних, как считают исследователи, почти все атрибуты отождествлялись с элементами организованного мифологического космоса. Семантические интерпретации сюжетов (олень с поджатыми ногами, кошачий хищник, свернутый кольцом, сцены терзания животных и т.д.) произведений сакского искусства различны. Образы животных служили для описания мира, олицетворяли космические силы, природные явления и были определенной знаковой символической системой. Существует несколько точек зрения на причины появления скифо-сибирского стиля на огромной территории Евразии. Главные из гипотез две: 1-я – воздействие искусства Передней Азии (70-е годы VII в. до н.э.), 2-я – локальное происхождение, с влиянием ахеменидского искусства с конца VI века.

Знаменитые оленные камни Монголии и Саяно-Алтая стоят у истоков развития скульптуры народов евразийских степей. Основной сюжет на оленных камнях – фигура воина, еще одна тема – изображение животных, наиболее частым из которых был олень. Изваяния скифо-сакского времени представляют антропоморфные мужские изображения, иногда с сосудом в руке, часто соединенные с поясом и акинаком. Исследователи считают, что наибольшее сходство с оленными камнями обнаруживается в сюжетах декора поверхности скульптуры, изображающее боевое оружие: пояс, меч, кинжал, лук и стрелы, – а также гривны, браслеты, родовые тамги, чаши-пиалы [16]. У исследователей разные мнения в вопросах определения семантики каменных изваяний в скифо-сакском искусстве, «большинство исследователей склоняется к мифологической трактовке образа героя, указывая на предельную обобщенность монументальных сооружений этой поры» [7, с. 38].

В курганах раннесакского периода была обнаружена богатая коллекция золотых украшений, по количеству и художественной ценности не уступающая знаменитым “золотым” курганам скифов и кочевников Тувы.

Самой яркой, имеющей всемирно-историческое значение находкой на территории Казахстана, которую осуществил К.А. Акишев [17], безусловно, является захоронение в кургане Иссык (40 км. Восточнее Алматы) так называемого “Золотого человека” – сакского воина, которое датируется V-IV вв. до н.э. Скорее всего этот воин был царем, что демонстрируют зооморфные фигурки в виде крылатых и рогатых коней на лобной части высокого головного убора воина. А. Акишев предполагает, что в образах головного убора «золотого человека», а также в многочисленных изображениях животных и птиц на украшениях его одежды заключена сложная символика и воплощено мифологическое мировоззрение саков [18].

Также блестящие примеры скифо-сибирского звериного стиля известны благодаря археологическим раскопкам могильников Уйгарак и Тегискен (Южный Казахстан), Тасмола (Центральный Казахстан), Бесшатыр (долина реки Или), курганов могильника Берель (Восточный Казахстан) и др. Археологами отмечается близость культур ранних саков Приаралья, Центрального и Северного Казахстана, Семиречья.

В конце I тыс. до н.э. на территории Казахстана возникли новые племенные союзы, пришедшие на смену сакам. Прежние земли саков заняли племена усуней. Усунь был одним из крупных государственных объединений на территории Центральной Азии. Также известно, что в I тыс. до н.э. обширные пространства Центральной Азии от Ордоса на юге современной Монголии до Прикаспия населяли различные по своему происхождению и этническому составу племена, образовавшие государство Сюнну (Хунну). В это время максимально осваиваются все территории, пригодные для кочевого скотоводства, резко возрастает численность населения. Китайские, персидские и арабские письменные источники свидетельствуют о том, что именно в этот период истории скифские племена, населявшие центральноазиатские степи, предпринимали военные походы на Кавказ, в Переднюю Азию и Европу. В результате военных вторжений кочевые племена нередко оседают в осёдлых оазисах и их вожди становятся во главе завоёванных государств. Так, достигнув Парфии, кочевники основали новое государство под управлением династии Аршакидов. Подобным образом было основано и Кушанское царство на территории Бактрии. Формирование союзов кочевых племён происходило и на территориях, при-

легающих к Сырдарье, Арыси, Таласа, Чу и Или, образывая там оседло-земледельческие сообщества. К. Байпаков подчёркивает, что взаимоотношения кочевников и земледельцев осуществлялись в контексте единой социально-экономической структуры [19, с. 72-74].

Таким образом период с VIII-VII до V вв. до н.э. – это так называемая эпоха ранних кочевников (саки, усунь, хунны), в их хозяйственном укладе сочетались занятия скотоводством и земледелием. Композиционные идеи андроновской эпохи в архитектуре саков получили свое дальнейшее развитие. Конструктивные приемы становятся более разнообразными и усложненными как в отношении планировочной структуры, так и в системе перекрытия, по сравнению с предыдущим периодом. Прослеживается непрерывная линия развития архитектуры мавзолеев, берущих свое начало в строительных приемах региона Приаралья эпохи бронзы – мавзолеев комплекса Тегискен [20, с. 31].

Благодаря археологическим находкам на территории Казахстана, сакская культура предстаёт перед нашим современником не просто как консервативная этнографическая единица, а как высоко динамичное сообщество племён широкого ареала урало-казахстанских степей, оказавших огромное влияние не только на восточно-евразийский регион, но и на более отдалённые территории.

Археологические исследования показали, что на обширном пространстве евразийской степи в средневековье получает дальнейшее развитие не только кочевой способ ведения хозяйства, но и появляется оседлая земледельческая культура, в результате чего возникли города со свойственным им социальным делением на классы. Многочисленные исторические артефакты свидетельствуют о сосуществовании на данной территории весьма развитой системы мировоззрения, для которой характерен особый вид синкретизма. Описывая феномен синкретизма как о возможности синхронного сосуществования на одной территории множества культур, М. Мамардашвили отметил, что «возможна множественность культур, что есть не одна универсальная, единственная, истинная и соответствующая человеку культура, а что в самом факте культурного бытия, в самом исходном виде этого факта заложена множественность культур, или многокультурность» [21, с. 133].

Следует отметить тот исторический факт, что с возникновением городов на территории южного Казахстана возникли и связи городской куль-

туры с номадической. С течением времени появилась и тенденция перехода от кочевий к городам. Ж. Делёз в «Трактате номадологии» провел фундаментальное различие между оседлой и номадической культурой, используя такие метафоры как дерево и ризома. Если оседлая культура представляет собой дерево, имеющее корни, ствол, ветви, то номадическая культура – это своеобразное органическое целое, напоминающее грибницу, клубень, чьи отростки образуют сетевидную структуру [22]. Вот почему применение какой-либо периодизации в отношении кочевников всегда носило в достаточной степени проблематичный характер.

Как известно, номадическая культура представлена особым типом текстуальности, для которой характерна по преимуществу так называемая *идеофонограмма*, иными словами, аудио-видео экспрессивное обозначение присутствия живого настоящего. Любая экспрессия оказывается захваченной целой сетью индикации-обозначения. Поэтому в качестве ключевых феноменов казахской номадической культуры выступают – кюи степных импровизаторов, поэзия акынов и жырау, горловое пение шаманов-баксы, предоставляющих возможность обнаружения целого ряда культурных архетипов, среди которых самым значимым следует считать способ, каким кочевник воспринимал всё, что связано со сферой божественного и его связь с человеческим миром.

Этногенез тюрков, происходивший в эпоху Древнетюркского каганата большинство исследователей связывают, наряду с традиционным шаманизмом, и с тенгрианством как народной религией тюрков. Согласно тенгрианству, мир представляет собой трёхчленную вертикальную иерархическую структуру, которая состоит из верхнего мира, принадлежащего богу Тенгри, среднего мира, населённого людьми, и нижнего мира – области хтонических божеств. Именно тенгрианство как мировоззрение центральноазиатских кочевых племён обозначило их местопребывание на древней земле Казахстана, которая по праву считается колыбелью, истоком художественных творений как прошлых веков, так и нашей современной эпохи.

Тенгри – онтологический смысло-образ центральноазиатских кочевников. Тенгри – это один из знаков божественного, служащий для обозначения апофатического гиперреального бытия, располагающегося поверх сущего и позволяющего ему быть явленным, выйти из заповедной глубины со-кровенного. Тенгри в своем бытии, взаимодействуя с челове-

ческим здесь-бытием (*адамзат*), благодаря своей креативной энергии благодати (*құт*) как просвета между божественным и человеческим здесь-бытием, производит определенные формы, которые и образуют место для присутствия в мире определенного культурного исторического образования, в нашем случае казахского этноса с его огромным творческим потенциалом.

Каждый из феноменов центральноазиатской номадической культуры является выражением мифологического мышления, в основе которого – существование Иного измерения человеческого бытия. В качестве трансляторов, свидетельствующих об этом измерении и выступает фигура шамана [23, с. 595]. Шаман является некой ипостасью, того сакрального источника истины бытия, персонификацией которого и является бог Тенгри. В связи с бытийной необходимостью обеспечения прямого общения с миром сакрального и возник в древней казахской Степи такой жанр древнего музыкального искусства как *кюй*, посредством которого складывалась мифологическая картина мира как выражение промысла «Вечного неба».

Полагаем, что для средневековых центральноазиатских номадов в качестве фундаментального символа изначального мифа являлись балбалы. У исследователей имеются разные точки зрения на назначение, различные стороны художественного канона скульптуры тюрок. Ученые считают, что художественный канон имеет прямое отношение к народной эстетике тюрок и в числе канонических признаков балбал выделяют следующие аспекты: символический (связь с духом предков); сакрально-мистический (покровительство умерших над живыми); литургический (целостная обрядовая система); дидактический (назидательная функция поминальной скульптуры) и собственно-художественный [24, с. 38].

В работе над созданием истории искусств Казахстана мы предприняли попытку обозначить основные этапы этой эволюции с целью выявления взаимосвязи прошлого и настоящего народа Казахстана для обнаружения перспектив его дальнейшего развития.

Художественные произведения искусства древности и эпохи ранних кочевников на территории Казахстана, имея описанную нами историческую периодизацию, были открыты и исследованы в своё время как археологические памятники культуры Евразии. Мы полагаем, что именно теперь наступает новый этап развития науки о на-

шем архаическом прошлом уже на стыке таких областей знания как археология, антропология, всеобщая и региональная история, этнография, искусствознание и другие гуманитарные дисциплины.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов» – М.: Индрик, 1993 – 328 с.
- 2 Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвующего большинства. – М.: Искусство, 1990. – 396 с.
- 3 Кодар А. Степное Знание: очерки по культурологии. – Астана: Фолиант, 2002. – 208 с.
- 4 Деррида Ж. О грамматологии. – М.: «Ad Marginem», 2000. – 520 с.
- 5 Григорьев Ф.П. Археологические памятники района Алматы // Маргулановские чтения. – Алма-Ата, 1989. – 261 с.
- 6 Археология Казахстана. – Алматы: Өнер, 2006. – 256 с.
- 7 История искусств Казахстана. – Алматы: ИздатМаркет, 2006. – 248 с.
- 8 Кузьмина Е.Е. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности. – Актобе: Принта, 2008. – 358 с.
- 9 См. Гинзбург В.В. Антропологические материалы из вуадильского и ак-Тамского могильников. – КСИИМК, 1957. – Вып. 69. С. 90-94; Гинзбург В.В. К антропологии населения Ферганской долины в эпоху бронзы. – МИА, 1962, № 118 – С. 217-220; Алексеев В.П. Антропология андроновской культуры. – СА, 1967. – № 1. – С. 22-26; Исмагулов О. Палеоантропология Казахстана эпохи бронзы. – ТИИАЭ АН КазССР, 1963. – Т. 18. – С. 163-173.
- 10 Акишев К.А., Байпаков К.М. Вопросы археологии Казахстана. – Алма-Ата: Мектеп, 1979. – 160 с.
- 11 Новоженев В.А. Чудо коммуникации и древний колесный транспорт Евразии. – М.: Таус, 2012. – 500 с.
- 12 Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1979. – 360с.
- 13 Акишев К.А. Сакиазиатские и скифы европейские (Общее и особенное в культуре) // Археологические исследования в Казахстане. – Алма-Ата, 1973. – С. 43-58.
- 14 История Казахской ССР. В 5-ти томах. Т.1.: Первобытнообщинный строй. Племенные союзы и раннефеодальные государства на территории Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1977. – 479 с.

- 15 Исмагулов О. Население Казахстана от эпохи бронзы до современности. – Алма-Ата: «Наука» Казахской ССР, 1970. – 423 с.; Гохман И.И. Происхождение центрально-азиатской расы в свете новых палеоантропологических материалов // Сборник СМАЭ. Т. XXXVI. – Л.: Наука, 1980. С. 28-62.
- 16 Волков Б.В. Оленные камни Монголии. – М.: Научный мир, 2002. – 248 с.; Елеукенова Г.Ш. Очерк истории средневековой скульптуры Казахстана. – Алматы: Ғылым, 1999. – 220 с.
- 17 Акишев К.А. Курган Иссык. – М.: Искусство, 1978-142 с.
- 18 Акишев А.К. Искусство и мифология саков. – Алма-Ата: Наука, 1984. – 174 с.
- 19 Байпаков К.М. Взаимодействие кочевников и земледельцев на трассе Великого Шёлкового пути // ВАН РК. – Алматы. № 8. – С. 72-74.
- 20 Галимжанова А., Глаудинова М. История искусств Казахстана: в 3-х т. – Алматы: Өнер, 2011. – Алматы: Өнер, 2011. – Т.2: Архитектура. – 192 с.
- 21 Мамардашвили М. Очерк современной европейской философии. – СПб.: Азбука, 2002. – 608 с.
- 22 Делёз Ж., Гваттари Ф. Трактат о номадологии // Новый круг. Международный литературно-философский журнал. – № 2, 1992. – С. 183-187.
- 23 Наурызбаева З. Вечное Небо казахов. – Алматы: СаҒа, 2013. – 704 с.
- 24 См. Гумилев Л.Н. Древние тюрки. – М.: Наука, 1967. – 501 с.; Елеукенова Г.Ш. Очерк истории средневековой скульптуры Казахстана. – Алматы: Ғылым, 1999. – 220 с.; Шер Я.А. Каменные изваяния Семиречья. – М.-Ленинград: Наука, 1966. – 139 с.; Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. – Новосибирск: Наука, 1984. – 232 с.; Ермоленко А.Н. Средневековые каменные изваяния казахстанских степей (типология, семантика в аспекте военной идеологии и традиционного мировоззрения). – Новосибирск: ИА и Эт СОРАН, 2004; Плетнёва С.А. Половецкие каменные изваяния //САИ. Вып. Е-4-2. – М., 1974.

Asiya Qalimjanova (Qazaxıstan)**Qədim dövr və erkən köçərilər dövrü Qazaxıstan
incəsənət tarixinin yaradılmasının nəzəri aspektləri**

Məqalədə qədim zamanlardan tutmuş erkən köçərilər dövrünədək Qazaxıstan incəsənəti tarixinin yaradılmasının fenomenologiya, fransız «Annallar» məktəbi, J.Delöz və F.Qvattarinin nomadik diskurs metodlarına, həmçinin qazax fəlsəfə məktəbinin əsərlərində öz əksini tapmış metodoloji əsaslara istinad edən nəzəri aspektləri araşdırılır.

Açar sözlər: dövrləşdirmə, Qazaxıstan incəsənəti tarixi, mif, nomadik diskurs, ənənə.

Asiya Galimzhanova (Kazakhstan)**Theoretical aspects of the art history creation of the Kazakhstan
at the ancient period and the early nomads' epoch**

The article deals with theoretical aspects of creating art history of Kazakhstan from the ancient period to the early nomads' epoch based on methods developed by phenomenology, the French school of "Annals", nomadic discourse of G. Deleuze and Felix Guattari as well as on methodological bases represented in works of the Kazakh philosophy school.

Keywords: periodization, art history of Kazakhstan, myth, nomadic discourse, tradition.